

83169

ПОТЕРЯ
АЛБСКАГО.

И. П. Романовский

XXVII 9/113

1934
Vib

ПРИРОДА И ЖИЗНЬ ПО ПРИРОДѢ ПО АРИСТОТЕЛЮ.

Нельзя не обратить вниманіе на ту странность, что въ Гре-
то время, когда явилось ученіе о жизни по природѣ
κτλ το ζῆν), изученіе природы почти перестало инте-
сѣособенно мало интересуются изученіемъ природы тѣ,
ніи повѣдуютъ ученіе о жизни по природѣ, какъ-то:
че и циники. Послѣдніе, т. е. циники, считаютъ заня-
е-софією и науками о природѣ излишнею для человѣка
ошью и празднымъ занятіемъ, а время, потраченное на
занятіе,—потеряннымъ для добродѣтели. Но такая ненор-
сѣдность не могла долго существовать. Дѣйствительно, мы ви-
-мъ, что Аристотель, ученикъ Платона, столько же, если не
больше, предается изученію природы, сколько и рѣшенію нрав-
енныхъ и политическихъ вопросовъ. Особенно царство жи-
п служитъ предметомъ его изученія. Сюда относятся
нія его сочиненія: „Исторія животныхъ“ (въ 10 кни-
су) частяхъ животныхъ“ (въ 4 книгахъ), „О движеніи
сре.“ (въ 1-й книгѣ), „О происхожденіи животныхъ“
гослахъ); кромѣ того сюда же относится сочиненіе: „О
боль 3 книгахъ), съ прибавленіемъ такъ называемыхъ:
отъ Драліа“, гдѣ трактуются объ „ощущеніи и ощущае-
неніи и ч и воспоминанія“, о „снѣ и сновидѣніяхъ“, о
Г. о вѣ члѣности жизни“ и т. д.

изученію природы, важное и интересное само по себѣ, у
Аристотеля получаетъ особенное значеніе чрезъ то, что оно
служить для него руководителемъ и указателемъ въ рѣшеніи

ЦНБ ХНУ ім. В. Н. Караїна
2011 р.Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДПрочерено
0839

V.N. Karazin Kharkiv National University

01383669 2

вопросовъ о жизни по природе, затронутыхъ его предшественниками. Напр., кому неизвѣстно, что Аристотель былъ защитникомъ законности рабства? Это тѣмъ болѣе удивительно, что, какъ мы могли убѣдиться изъ предыдущихъ нашихъ очерковъ, передовые умы Греціи до Аристотеля сознавали уже несправедливость существованія рабства. Какъ извѣстно, защита Аристотеля законности рабства вызвала почти единодушное порицаніе со стороны историковъ новаго времени и въ извиненіе его высказывалось и высказывается только то, что великій мыслитель древности, не смотря на геніальность своего ума, не могъ отрѣшиться отъ господствовавшаго въ древности взгляда, что безъ рабства немыслимо существованіе государства.

съ своей стороны замѣтимъ, что въ первой книгѣ Политики Аристотеля, гдѣ онъ защищаетъ законность рабства, нѣтъ рѣчи о государствѣ, а говорится только о семьѣ и ея членахъ. Въ семьѣ-то и ощущалась необходимость раба и къ ней присоединенъ былъ рабъ, въ ней послѣдовало самое существенное измѣненіе къ лучшему. Раньше—въ первобытной семьѣ женщина занимала мѣсто раба. Въ подтвержденіе этого Аристотель ссылается на слова Гезіода. У варваровъ, говоритъ Аристотель, женщина и рабъ и доселѣ стоятъ на одинаковой ступени. (Polit. Lib. 1, cap. 1). Да и у бѣдныхъ грековъ за неимѣніемъ рабовъ по необходимости пользуются женою и дѣтьми, какъ домашнею прислугою (Polit. Lib. VI, cap. 1). Съ присоединеніемъ къ семьѣ раба жена получила больше свободы и отношенія между мужемъ и женою стали измѣняться къ лучшему. И дѣти вышли изъ положенія домашнихъ прислугъ. Въ семьѣ послѣдовало вообще болѣе цѣлесообразное раздѣленіе труда. Обязанности мужа по преимуществу внѣ семьи принадлежатъ республикѣ; обязанности жены исключительно въ семьѣ и домѣ: она воспитываетъ дѣтей, управляетъ и хозяйствомъ; дѣти нуждаются въ воспитаніи и поддержаніи семьи физическимъ трудомъ лежачихъ членовъ семьи, раба. Такой составъ и положеніе семьи признаетъ Аристотель наиболѣе нормальными, цѣлесообразными и совершенными, чѣмъ какова была первобытная семья. На это указываетъ ему сама природа. Среди животныхъ организмовъ онъ

наблюдать, что большее совершенство представляет тотъ организмъ, въ которомъ для каждой функціи существуетъ отдѣльный органъ (*ἐν πρὸς ἐν*); а гдѣ одинъ и тотъ же органъ служить для различныхъ функцій, тамъ организмъ находится на низшей (несовершенной) ступени развитія (*Polit. Lib. 1, cap. 1. De part. anim. Lib. IV, cap. 6*).

Итакъ, Аристотель признаетъ несомнѣннымъ, что *семья* много выиграла послѣ того, какъ къ ней присоединенъ былъ рабъ: она явилась наиболѣе *совершенною* съ точки зрѣнія природы. Но оставался нерѣшеннымъ существенно важный вопросъ: справедливо ли, чтобы одинъ человѣкъ управлялъ другимъ и былъ его господиномъ? или—справедливо ли раздѣленіе людей на свободныхъ и рабовъ, на господъ и подчиненныхъ? Та же природа, начиная съ неорганической и кончая разумною, показываетъ Аристотелю, что всюду существуетъ начало господствующее и то, что по необходимости находится въ положеніи зависимаго и подчиненнаго: тамъ, гдѣ существуетъ гармоническое сочетаніе элементовъ въ одно цѣлое, начало сочетающее есть господствующее начало, а сочетаемое или элементы находятся въ зависимости отъ начала сочетающаго; душа господствуетъ надъ тѣломъ и тѣло подчиняется душѣ; въ самой душѣ влеченія и страсти подчиняются разуму; противное считается уже ненормальностію; животныя подчиняются человѣку. Право господства надъ животными человѣкъ получаетъ въ силу *разума*, которымъ онъ обладаетъ. Домашнія животныя, находясь въ подчиненіи человѣка, въ этомъ самомъ подчиненіи человѣку находятъ свое благо и стоятъ выше дикихъ животныхъ. Если существуетъ различіе между людьми по уму и развитію, то и среди нихъ естественно и законно съ точки зрѣнія природы господство и подчиненіе. Людямъ, обладающимъ отъ природы большою физическою силою и въ то же время отличающимся отъ другихъ крайнимъ скудоуміемъ, приличнѣе быть въ подчиненіи и подъ руководствомъ умнаго человѣка и ему выгодно и полезно быть въ подчиненіи. Вотъ эти-то люди и должны быть, по указанію самой природы, отчислены въ разрядъ рабовъ, необходимыхъ для физическаго труда. „Сама природа, говоритъ Аристотель, стремится отличить тѣло раба отъ тѣла

свободнаго: рабъ по природѣ отличается физическою силою и не обладаетъ умомъ, напротивъ, свободный по природѣ, не отличаясь физическою силою, необходимою для физическаго труда, обладаетъ способностями, необходимыми для общественныхъ и политическихъ функцій, а также—для философіи.

Такимъ образомъ, Аристотель различаетъ рабство *по природѣ* и рабство *по закону*. Последнее далеко не всегда совпадаетъ съ первымъ. То рабство, которое существуетъ *по закону*, есть по преимуществу слѣдствіе войны; въ такомъ случаѣ рабъ дѣлается рабомъ *случайно* (τύχη), а не по указанію природы. Среди существующихъ рабовъ легко наблюдать, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ тѣло свободныхъ. Не такъ легко наблюдать душу, какъ тѣло; но несомнѣнно, что нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ душею свободныхъ. То же нужно сказать и о свободныхъ *по закону*.

Итакъ, если по отношенію къ рабству слѣдовать указаніямъ природы, то очевидно, что требуется существенное измѣненіе въ существующемъ рабствѣ *по закону*. Оно требуется, по взгляду Аристотеля, и въ другомъ отношеніи. У господъ существуетъ часто непониманіе истинныхъ, справедливыхъ отношеній къ рабамъ. „Говорятъ, что такъ какъ рабы лишены разума, то съ ними не слѣдуетъ и разговаривать, а только приказывать имъ“. Напротивъ, говоритъ Аристотель, „рабовъ слѣдуетъ разумлять и убѣждать и даже—болѣе, чѣмъ дѣтей“. Рабы не лишены совсѣмъ разума; они имѣютъ его настолько, насколько нужно, чтобы понимать указанія и объясненія господина. Господа должны понимать, что раба и господина соединяетъ общая взаимная *польза*: господинъ нуждается въ физической силѣ для физическаго труда, необходимаго для существованія семьи, иначе семья не имѣла бы свободнаго времени для выполненія высшаго ея назначенія, указываемаго природою и положеніемъ. Поэтому „между господиномъ и рабомъ должна существовать нѣкотораго рода *дружба*“ (φιλία δοῦλοφ καὶ δεσπότῃ πρὸς ἀλλήλους. Polit. Lib. 1. cap. 2), говоритъ Аристотель.

Мы не исчерпали еще всего содержанія тѣхъ главъ первой книги „Политики“, въ которыхъ трактуется о рабствѣ. Но для нашей цѣли пока достаточно сказаннаго. Изъ этого уже вид-

но, въ какой тѣсной связи стоитъ у Аристотеля рѣшеніе общественныхъ и политическихъ вопросовъ съ изученіемъ природы. Поэтому, прежде, чѣмъ говорить *о жизни по природѣ* по ученію Аристотеля, необходимо познакомиться съ его ученіемъ *о природѣ*. Въ своемъ мѣстѣ мы вернемся снова къ ученію Аристотеля о рабствѣ въ связи съ другими вопросами и тамъ еще болѣе выяснится то, что уже сказано нами выше.

Природа по Аристотелю. Перечисленныя нами выше сочиненія Аристотеля заключаютъ въ себѣ не философскія разсужденія о природѣ, какъ можетъ предположить читатель, незнакомый съ этими сочиненіями, а дѣйствительное изученіе природы, насколько оно было возможно и доступно Аристотелю и древнему міру вообще. Это будетъ видно даже изъ краткаго очерка содержанія трехъ главныхъ сочиненій, относящихся къ царству животныхъ, а именно: „Исторія животныхъ“, „О частяхъ животныхъ“ и „О происхожденіи животныхъ“.

Аристотелю извѣстно было до 400 видовъ животныхъ. Необходимость *классификаціи* всѣхъ животныхъ не менѣе ясно сознавалась Аристотелемъ, какъ и учеными новаго времени. Но если въ наше время наука не достигла еще совершенной классификаціи животныхъ, то тѣмъ труднѣе было Аристотелю создать вполнѣ удовлетворительную классификацію. Для этого онъ не имѣлъ даже терминологіи, не говоря уже о другихъ затрудненіяхъ, неизбѣжныхъ для Аристотеля и не существующихъ для современнаго натуралиста. Въ указанныхъ сочиненіяхъ Аристотеля встрѣчается нѣсколько классификацій животныхъ; но изъ нихъ болѣе серьезное вниманіе обращаютъ на себѣ три классификаціи, основанныя на трехъ различныхъ принципахъ дѣленія; эти принципы дѣленія суть: а) присутствіе и отсутствіе крови; б) среда, въ которой обитаютъ животныя и в) способъ репродукціи. Особенно классификація перваго рода, основывающаяся на принципѣ присутствія и отсутствія крови, отличается широтою. По этой классификаціи всѣ животныя дѣлятся: а) на животныхъ, имѣющихъ кровь (т. е. красную кровь) и б) на животныхъ, не имѣющихъ крови (эта класси-

фикація соотвѣтствуетъ дѣленію животныхъ на позвоночныхъ и безпозвоночныхъ). Животныя, не имѣющія крови, дѣлятся Аристотелемъ на четыре группы: а) моллюски (нынѣшніе цефалоподы); б) ракообразныя; в) черепокожныя (нынѣшніе моллюски) и г) насѣкомыя. Когда Аристотель говоритъ о животныхъ, имѣющихъ кровь, то въ свою очередь дѣлитъ ихъ: а) на яйцеродныхъ; б) живородныхъ и в) яйцеживородныхъ; а также: а) на живущихъ въ водѣ; б) живущихъ на сушѣ и в) летающихъ по воздуху. „Исторія животныхъ“ посвящена по преимуществу описанію различныхъ родовъ и видовъ животныхъ. Аристотель описываетъ не только наружныя признаки и свойства различныхъ видовъ животныхъ, но и пищу, образъ жизни и нравы ихъ. Для удобства и болѣе успѣшнаго выполнения этой задачи онъ создаетъ новыя частныя дѣленія животныхъ; напримѣръ, дѣлитъ ихъ на животныхъ четвероногихъ, двуногихъ, многоногихъ, на животныхъ плотоядныхъ, травоядныхъ, всеядныхъ, на животныхъ стадныхъ и живущихъ по одиночкѣ, на осѣдлыхъ и перекочевывающихъ, дневныхъ и ночныхъ, дикихъ и ручныхъ и т. д.

Въ сочиненіи: „О частяхъ животныхъ“ мы встрѣчаемся съ иного рода *дѣленіемъ*, положеннымъ въ основаніе сочиненія. Оно показываетъ ясно, на сколько Аристотель былъ строго методическимъ изслѣдователемъ природы. Если въ первомъ случаѣ животныя дѣлились по родамъ и видамъ, то здѣсь животный организмъ, *какъ цѣлое, дѣлится на части*. Нѣтъ сомнѣнія, что оба сочиненія: „Исторія животныхъ“ и „О частяхъ животныхъ“ находятся въ самой тѣсной связи между собою. Если первое изъ нихъ посвящено изученію различныхъ родовъ и видовъ животныхъ, то второе посвящено изученію такихъ частей животнаго организма, безъ которыхъ послѣдній немыслимъ. По выдержанности метода второе сочиненіе, по замѣчанію критиковъ, превосходитъ первое. Аристотель дѣлитъ части организма: а) на однородныя и б) на разнородныя (или, выражаясь современнымъ языкомъ, на ткани и органы). Однородныя части имѣютъ свойства, а разнородныя—функции. Однородныя части бываютъ или твердыя, или жидкія, или имѣютъ другія аналогичныя свойства; къ нимъ относятся: плоть

(мышечная ткань), кости, кровь, жиръ и проч. Къ разнороднымъ частямъ относятся различные органы животнаго организма: руки, ноги, лицо и т. д. Аристотель замѣчаетъ: „однородныя части находятся, кажется, одинаково у всѣхъ животныхъ, чего нельзя сказать о частяхъ разнородныхъ“. Простѣйшіе элементы однородныхъ частей суть: земля, вода, воздухъ, огонь.

Третье сочиненіе: „О происхожденіи животныхъ“ также тѣсно связано съ первыми двумя указанными сочиненіями и составляетъ продолженіе ихъ въ силу требованій метода. Если первыя два сочиненія отличаются по преимуществу *описательнымъ* характеромъ, то послѣднее, посвященное Аристотелемъ изложенію генезиса животныхъ организмовъ, слѣдуетъ *объяснительному* методу. Здѣсь трактуется о полахъ и участіи ихъ въ оплодотвореніи, о самомъ оплодотвореніи, о развитіи зародыша, о причинахъ, благопріятствующихъ его или задерживающихъ это развитіе, о причинахъ, опредѣляющихъ полъ въ зародышѣ, о сходствѣ дѣтей съ родителями, съ дѣдами и пра-дѣдами, объ уродствѣ и причинахъ, ихъ производящихъ и т. д. Изъ этого краткаго перечисленія вопросовъ, разсматриваемыхъ Аристотелемъ въ указанномъ сочиненіи, видно, какіе важные интересные біологическіе вопросы затрогиваетъ и старается рѣшить онъ, слѣдуя опредѣленно выработанному имъ методу изслѣдованія природы. Здѣсь, приводя мнѣнія и гипотезы другихъ древнихъ писателей по даннымъ вопросамъ, Аристотель критикуетъ ихъ и высказываетъ свои гипотезы, подкрѣпляя ихъ цѣлымъ рядомъ доказательствъ. Словомъ, методъ Аристотеля вступаетъ здѣсь въ область *причинности* и объясненія генезиса животной природы.

Такимъ образомъ, всѣ три указанныхъ сочиненія связаны между собою единствомъ плана и единствомъ метода и заключаютъ въ себѣ дѣйствительное изученіе природы, насколько это было возможно для Аристотеля, согласно требованіямъ метода

Сочиненія Аристотеля показываютъ, что въ древности онъ не первый началъ изучать природу и животный міръ. Онъ ссылается на Эмпедокла, Анаксагора, Діогена Аполлонійскаго,

особенно—на Демокрита. Есть также у него указанія на авторовъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ намъ, напримѣръ, на нѣкоего *Лесфана* и кипріота—*Сіеннезиса*, написавшаго трактатъ о распространеніи венъ въ организмѣ.

Повидимому, всего менѣе могъ заимствовать Аристотель свѣдѣній о природѣ у своего учителя—Платона, потому что мы напрасно стали бы отыскивать среди діалоговъ Платона такихъ, которые по содержанію соотвѣтствовали бы указаннымъ сочиненіямъ Аристотеля, исключая развѣ діалоговъ: *Тимей* и *Симпосіонъ*, едва заслуживающихъ упоминанія здѣсь. Но, вникая въ философскій и научный духъ и направленіе натуралистическихъ сочиненій Аристотеля, мы узнаемъ въ немъ ученика Платона. Послѣдній далъ Аристотелю методъ и руководительныя начала для изученія природы.

Представляемъ другимъ изощряться въ доказательствахъ противоположности между Платономъ и Аристотелемъ и называть перваго идеалистомъ, послѣдняго—эмпирикомъ. Для насъ Аристотель остается ученикомъ Платона и оба они примыкаютъ къ философскому направленію, начало которому положено Сократомъ. Мы не хотимъ сказать этимъ, что Аристотель только повторяетъ Платона; онъ, какъ гениальный мыслитель, идетъ дальше Платона, но не выходитъ изъ предѣловъ того направленія философіи, которое началось съ Сократа. Если онъ дѣлаетъ отступленіе отъ философіи Платона и отступленіе, повидимому, не маловажное, то, какъ мы увидимъ дальше, самъ Платонъ отчасти подаетъ поводъ къ этому отступленію.

Въ нашемъ первомъ очеркѣ, посвященномъ общему обозрѣнію развитія Греческой философіи до Сократа, мы старались показать, что попытки философовъ разныхъ направленій объяснить явленія міра и разнообразіе вещей изъ однихъ *матеріальныхъ* началъ оказались неудовлетворительными. Пифагорейцы, признавшіе *число* началомъ, объясняющимъ матеріальные элементы въ одно гармоническое цѣлое, обратили вниманіе на *форму* вещи, какъ постоянное, устойчивое, не гибнущее среди измѣнчиваго міра явленій. Это, какъ было показано, составляло предварительную ступень къ идеямъ Платона. Во второмъ нашемъ очеркѣ: „Идеи и діалектика по Платону“

достаточно было сказано нами объ идеяхъ Платона, ихъ происхожденіи, природѣ и значеніи для міровыхъ явленій и нашего знанія. Здѣсь между прочимъ одинъ классъ идей названъ *мыслями* божественнаго ума, устроителя міра. Если основываться на діалогѣ Платона: „Тимей“, то нужно полагать, что Платонъ признавалъ нѣчто въ родѣ *творенія* міра Деміургомъ, какъ онъ называетъ божественный умъ, и согласиться съ тѣмъ, что было время, когда не существовало этого благоустроеннаго міра. Рядомъ съ этимъ нужно признать, что вещи созданы Деміургомъ по идеямъ, какъ образцамъ и прототипамъ. Это твореніе міра было торжествомъ божественнаго ума надъ матеріею и элементами, двигавшимися въ беспорядкѣ и существовавшими отъ вѣчности параллельно съ божественнымъ умомъ. Но это торжество божественнаго ума надъ матеріею и элементами, повидимому, не было полнымъ и совершеннымъ такъ какъ вещи, созданныя по идеямъ, далеко не соотвѣтствовали въ совершенствѣ этимъ послѣднимъ; по крайней мѣрѣ Платонъ училъ, что вещи стремятся къ совершенству подъ вліяніемъ идей, но никогда не могутъ достигнуть того, чтобы осуществить ихъ въ себѣ вполнѣ.

Твореніе міра Деміургомъ *во времени* было-ли положительнымъ ученіемъ Платона, или онъ въ діалогѣ: „Тимей“ лишь метафорически и образно выразилъ свое міровоззрѣніе на происхожденіе міра, какъ нѣкоторые утверждаютъ, трудно рѣшить этотъ вопросъ съ достовѣрностію. Этого творенія міра Деміургомъ во времени и не принялъ Аристотель. По его ученію, *міръ существуетъ отъ вѣчности*. Это ученіе онъ мотивируетъ тѣмъ, что существованіе міра неразрывно связано съ энергіею божественнаго ума, а не было времени, когда бы не дѣйствовала божественная энергія, ибо она есть *чистая энергія* (*ἐν ἑρμῇ* и никогда *ἐν δυνάμει*). Матерія и элементы никогда не могли существовать самостоятельно и независимо, параллельно божественному уму, такъ какъ божественному уму всегда было присуще господство и принципъ движенія. Значитъ, противоположности между умомъ божественнымъ съ одной стороны и матеріею съ элементами съ другой стороны никогда не существовало, исключая относительной противоположности, которая

допускается между существующимъ *въ возможности* (ἐν δυνάμει) и существующимъ *въ действительности* (ἐν ἔργῳ).

Устранивши идею творенія *во времени*, Аристотель удержалъ идею *развитія*, которую Платонъ ясно выразилъ и въ своемъ ученіи о дѣйствіи въ мірѣ идей и въ ученіи о мірѣ, какъ αὐτοζῶον, т. е. какъ о саморазвивающемся животномъ, которое въ самомъ себѣ имѣетъ все, необходимое для саморазвитія (Тимей).

Идея *развитія* и происхожденія чрезъ рожденіе, а не твореніе, есть, можно сказать, преобладающая идея въ греческомъ міровоззрѣніи: сами боги имѣютъ тоже происхожденіе. Нѣчто въ родѣ идеи творенія въ первый разъ можно усмотрѣть въ философіи Анаксагора. Этимъ мы хотимъ сказать, что лишь съ появленіемъ въ первый разъ *дуализма*, т. е. ученія о радикальной противоположности между матеріею и божественнымъ умомъ, явилась идея творенія въ смыслѣ воздѣйствія божественнаго ума на матерію, результатомъ котораго было благоустройство міра. Яснѣе выражена была идея творенія міра у Сократа и Платона. Но ни Сократъ, ни Платонъ не возвысились до христіанскаго ученія о твореніи міра изъ *ничего*. Аристотель, повидимому, снова повернулъ назадъ и возвратился къ идеѣ развитія. Но было бы ошибкою утверждать, что Аристотель радикально разошелся въ данномъ пунктѣ съ Платономъ и Сократомъ. Идея творенія не устранена имъ совершенно. Онъ также, какъ Платонъ и Сократъ, не признаетъ того, чтобы міръ развился самъ собою изъ собственнаго бытія безъ воздѣйствія божественнаго ума. По Аристотелю, міръ есть какъ бы непрерывный актъ творенія, или происхожденія изъ небытія въ бытіе, *изъ возможности въ действительность* по разумнымъ началамъ воздѣйствіемъ божественнаго ума.

Такимъ образомъ, у Платона преобладаетъ идея творенія, но не устраняется идея развитія; у Аристотеля, наоборотъ, преобладаетъ идея развитія, но не устраняется совершенно идея творенія. У того и другого виновникомъ благоустройства міра признается божественный умъ. Представленія Платона относительно происхожденія міра, какъ по крайней мѣрѣ они выражены въ его діалогѣ: „Тимей“, отличаются ясностію и об-

щедоступностію, хотя они антропоморфичны и не могутъ удовлетворить строго философскимъ требованіямъ; представленія же Аристотеля относительно того же предмета менѣе удобопонятны, но болѣе логичны и болѣе возвышены по отношенію къ идеѣ божественнаго ума. По ученію Аристотеля, Богъ, строго говоря, не знаетъ міра, такъ какъ его энергія есть энергія *чистой мысли*: „онъ мыслить о мысли“ ($\nu\omicron\theta\eta\varsigma\ \nu\omicron\theta\eta\varsigma\omega\varsigma\ \nu\omicron\theta\eta\varsigma$;) и ничто инородное не входитъ сюда. Слѣдовательно, по міровоззрѣнію Аристотеля, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы Богъ непосредственно занимался приведеніемъ въ порядокъ матеріи и элементовъ и устройствомъ міра, какъ это представлено у Платона. Но если Богъ не знаетъ міра, то матерія и элементы въ присутствіи высшаго господствующаго начала не оставались пассивными, испытывали невѣдомое дѣйствіе: масса приходила въ движеніе и дѣлалась причастною жизни и блага. Аристотель называетъ Бога *перводвигателемъ* и *высшимъ благомъ*. Въ метафизикѣ (Lib. XI (XII) Аристотель говоритъ: „нужно рассмотреть то, какимъ образомъ вселенная заключаетъ въ себѣ высшее благо; есть ли это благо, какъ нѣчто независимое, существующее само въ себѣ и чрезъ себя, или оно заключается въ порядкѣ міра, или, наконецъ, оно существуетъ одновременно тѣмъ и другимъ способомъ,—такъ же, какъ въ арміи. Въ самомъ дѣлѣ, благо арміи есть порядокъ, который въ ней господствуетъ, и военачальникъ ея и по преимуществу ея военачальникъ; не порядокъ дѣлаетъ военачальника, а военачальникъ есть причина порядка“.

Поэтому, при изученіи природы Аристотель требуетъ непременно различать двоякаго рода причины: а) *необходимость* и б) *цѣль* ($\text{Εἰς τὴν ἅρα δι' αἰτίας αὐταὶ τὸ θ' οὗ ἐνεκα καὶ τὸ ἐξ ἀνάγκης}$ De part. anim. Lib. 1. cap. 1.); а) *матерію* и б) *форму* ($\text{Ἐπεὶ ἡ φύσις διττή, ἡ μὲν ὡς ὕλη, ἡ δὲ ὡς μορφή. Phys. Lib. 2, cap. 8.}$). Преимущество и прsobладающее дѣйствіе въ природѣ принадлежитъ формѣ, а не матеріи, цѣли, а не необходимости ($\text{ἡ κατὰ μορφήν φύσις κυριότερα τῆς ὕλης φύσεως}$ De part. anim. Lib. 1, cap. 1.).

Очевидно, что въ ученіи о причинахъ двоякаго рода Аристотель согласенъ съ Платономъ; только вмѣсто идеи Платона

у него является *форма*. Но есть много общего между идеею Платона и формою Аристотеля: форма существуетъ раньше предметовъ, къ которымъ она относится, какъ и идея Платона; предметы разрушаются и уничтожаются; форма же неразрушима, какъ и идея; она—идеальна и есть главная причина или сущность предметовъ, а всѣ другія причины суть причины вторичныя, или служебныя; ихъ называетъ Аристотель *сопричинами* (συναίτια) или *состихіями* (συνστοιχείαι); форма сочетаетъ элементы въ одно цѣлое и вноситъ всюду гармонію, какъ и идея; она направляетъ каждый предметъ къ *цѣли* и ведетъ къ *совершенству*, какъ и идея Платона. Иногда у Аристотеля форма замѣняется другимъ терминомъ: *энтелехія* (ἐν τέλει ἔχειν — имѣть цѣль въ себѣ), когда у него рѣчь идетъ о существахъ органическихъ, имѣющихъ душу. По нѣкоторымъ причинамъ Аристотель не могъ принять ученія объ идеяхъ, какъ оно изложено у Платона, а именно: въ идеяхъ Платона онъ не усматривалъ движущаго принципа; чрезъ принятіе идей Платона получалось ложное представленіе объ индивидуумахъ, какъ образахъ и тѣняхъ, а не какъ о дѣйствительно существующихъ предметахъ; съ ученіемъ объ идеяхъ у Платона соединялось твореніе міра *во времени*, съ чѣмъ не могъ согласиться Аристотель; непонятно, какъ вещи участвуютъ въ идеяхъ и т. д. По ученію Платона, идея не реализуется вполнѣ въ предметахъ природы, какъ бы они ни были совершенны. Форма Аристотеля можетъ реализоваться вполнѣ: она приводитъ *въ дѣйствительность* то, что существуетъ *въ возможности*; она осуществляетъ возможное, иначе она не имѣла бы надлежащаго значенія для этого возможнаго; поэтому-то она и стоитъ въ такой тѣсной связи съ этимъ возможнымъ, составляя его душу, его жизнь и внутреннюю движущую силу, въ противоположность идеи Платона, которая относится къ предметамъ внѣшнимъ образомъ, какъ независимо отъ нихъ существующее.

Конечно, *форма* Аристотеля есть такой же условный терминъ для выраженія сущности дѣла, какъ и идея Платона и число Пифагора. Философія, которая не удовлетворялась объясненіемъ явленій природы изъ однихъ матеріальныхъ началъ и усматривала въ природѣ разумность и цѣлесообразность, стремилась

къ пониманію дѣйствія разумнаго начала въ природѣ, сообразно съ наблюдаемымъ характеромъ самыхъ явленій природы, и подборомъ извѣстныхъ терминовъ выражала то, какъ понималось это дѣйствіе. Для Сократа, Платона и Аристотеля, повидимому, искусство было главнымъ руководительнымъ началомъ для пониманія происхожденія явленій природы. Платонъ вслѣдъ за Сократомъ называетъ Бога прямо художникомъ и міръ—его непосредственнымъ твореніемъ по идеямъ, какъ образцамъ. Аристотель составилъ себѣ, какъ мы видѣли, иное понятіе о Богѣ и тѣмъ не менѣе явленія природы сопоставлялъ съ художественными произведеніями: форма создаетъ эти явленія; она есть какъ бы несознаваемый творящій разумъ въ природѣ, правда—разумъ не самостоятельный, не независимый, какъ было объяснено выше. Такой способъ объясненія явленій природы казался Аристотелю болѣе соотвѣтствующимъ дѣйствительности и приближающимся къ истинѣ. Непосредственное твореніе міра высшимъ художникомъ должно было бы разомъ дать возможно совершенный міръ со всѣми его явленіями; между тѣмъ какъ въ мірѣ совершается лишь постепенное приближеніе къ совершенству и постепенное развитіе: форма лишь постепенно овладѣваетъ матеріею.

Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтили двойственность въ міровоззрѣніи Платона: рядомъ съ твореніемъ онъ призналъ развитіе въ природѣ. Сила, движущая жизнь въ природѣ, по его указанію, есть *любовь*, которая въ свою очередь есть выраженіе *стремленія природы къ безсмертію*. Жизнь въ природѣ поддерживается чрезъ *рожденіе*: индивидуумы погибаютъ, но не погибаетъ *родъ*, который слѣдуетъ назвать безсмертнымъ. Та же самая мысль не разъ повторяется и Аристотелемъ, напри-
мѣръ, въ сочиненіи: „О душѣ“ онъ говоритъ: „наиболѣе естественнымъ актомъ живыхъ существъ, которыя отличаются совершенствомъ, а не составляютъ недоносковъ и не произошли чрезъ самопроизвольное зарожденіе, является *рожденіе другаго сходнаго съ ними существа*: животное рождаетъ животное, растеніе—растеніе, дабы чрезъ это сдѣлаться участниками вѣчнаго и божественнаго, насколько это возможно для нихъ, ибо они имѣютъ *инстинктивное влеченіе (орéγεται)* къ этому

и ради этого они дѣлають все то, что только дѣлають по природѣ. „Такъ какъ эти существа не могутъ быть участниками вѣчнаго и божественнаго чрезъ вѣчное индивидуальное существованіе, продолжаетъ далѣе Аристотель, потому что ни одно смертное существо не остается неизмѣннымъ и однимъ и тѣмъ же, то каждое изъ нихъ участвуетъ въ этомъ по мѣрѣ возможности,—болѣе или менѣе: вѣчно существуетъ не то же самое существо, но почти—тоже, не индивидуумъ, а родъ (ἀριθμὸς μὲν οὐχ' ἐν, ἐῖς δὲ ἐν. De anim. Lib II, cap. IV). Та же мысль повторяется Аристотелемъ въ другомъ сочиненіи: „О происхожденіи животных“, гдѣ говорится, что „родъ существуетъ вѣчно“ (De generat. anim. Lib II, cap. 1).

Не будемъ повторять здѣсь того, что было сказано нами во второмъ нашемъ очеркѣ о прогрессѣ въ природѣ, по ученію Платона, о происхожденіи видовъ подъ вліяніемъ прогрессирующей идеи, а также о томъ, въ чемъ состоитъ *діалектика* Платона и въ какой связи находится она съ ея приѣмами: *опредѣленіемъ* и *дѣленіемъ* рода на виды съ ученіемъ Платона о прогрессѣ въ природѣ и о происхожденіи видовъ. Тотъ же прогрессъ признается и Аристотелемъ; поэтому, и онъ пользуется тѣми же діалектическими приѣмами, которые выработалъ и прилагалъ къ философско-научнымъ изслѣдованіямъ Платонъ. Раньше мы видѣли, что Аристотель создалъ цѣлый рядъ классификацій животныхъ, среди которыхъ встрѣчаются классификаціи, основанныя на *дихотоміи*, которую идеаломъ при дѣленіи считалъ Платонъ. Но и здѣсь Аристотель, какъ и въ другихъ случаяхъ, не остался рабскимъ подражателемъ своего учителя—Платона. Воспользовавшись вполне методическими приѣмами Платона, гдѣ это было возможно и нужно, Аристотель въ то же время не разъ въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ, что Платонъ слишкомъ преувеличивалъ значеніе этихъ приѣмовъ въ философско-научныхъ изслѣдованіяхъ, что, напр., „дѣленіе по видамъ“ не можетъ въ изслѣдованіи дать то, чего ожидалъ Платонъ. Особенно сильной критикѣ подвергнута Аристотелемъ *дихотомія* въ его сочиненіи: „О частяхъ животных“; этой критикѣ посвящены три главы. Здѣсь мы укажемъ на болѣе важныя критическія замѣчанія его, от-

носящіяся къ дихотоміи. „Дѣленіе рода на два различные вида, говоритъ Аристотель, частію трудно, частію невозможно“. Стремленіе дѣлить по дихотоміи ведетъ нерѣдко къ тому, что однородныхъ животныхъ, напр. птицъ, приходится неестественно разъединять и помѣщать въ разные отдѣлы, соединяя съ другими разнородными животными. Особенно важный недостатокъ этого рода дѣленія состоитъ въ томъ, говоритъ Аристотель, что приходится *отрицаніе* принимать за принципъ дѣленія. Отрицаніе, насколько оно только отрицаніе, не сообщаетъ никакого различія, потому что невозможно, чтобы существовали виды несуществующаго. Но если даже и допустить съ абстрактной точки зрѣнія возможность дѣленія по принципу отрицанія и раздѣлить, напр. животныхъ на летающихъ и не летающихъ, то при приложеніи къ природѣ мы натолкнемся на такіе факты, что принуждены будемъ помѣстить одно и то же животное въ обоихъ отдѣлахъ,—таковы: муравей, свѣтлякъ и друг. Вообще Аристотель противъ искусственнаго разрыва естественныхъ родовъ и размѣщенія однородныхъ животныхъ съ разнородными, что бываетъ неизбѣжно при дихотоміи, напр. при дѣленіи животныхъ на дикихъ и домашнихъ неизбѣжно помѣщать въ тотъ и другой отдѣлъ и птицъ, и звѣрей, и людей. Съ другой стороны, Аристотель не можетъ согласиться и съ тѣмъ, чтобы для классификаціи животныхъ можно было ограничиться однимъ лишь признакомъ, произвольно взятымъ, когда въ каждомъ родѣ животныхъ найдется ихъ цѣлый рядъ. Аристотелю кажется болѣе естественнымъ и безошибочнымъ держаться тѣхъ родовъ животныхъ, которые установила сама природа и отмѣтилъ здравый смыслъ человѣчества, назвавъ ихъ особенными именами, таковы: рыбы, птицы и проч. (De part. anim. Lib. 1, cap. II, III и IV).

Здѣсь возникаетъ нѣкотораго рода недоумѣніе. Съ одной стороны можетъ показаться непонятною такая критика *дихотоміи* со стороны Аристотеля, который самъ нерѣдко въ своихъ сочиненіяхъ пользуется дихотоміею: съ другой стороны, странно встрѣтить у Аристотеля поворотъ къ популярнымъ воззрѣніямъ на природу. Что касается критики дихотоміи, то можно думать, что она направлена не исключительно противъ

Платона, такъ какъ въ указанномъ мѣстѣ Аристотель не называетъ Платона, а говоритъ вообще о тѣхъ, которые употребляютъ дихотомію. Дихотомію употреблялъ не одинъ Платонъ, но и другіе. Не говоря уже объ элеатской школѣ и софистахъ, укажемъ на циниковъ. Вспомнимъ, напр. извѣстное нелѣпое дѣленіе всѣхъ людей „на мудрыхъ и глупыхъ“, котораго держались циники. Повидимому, большая часть критики Аристотеля относится не къ Платону, который умѣло и благоразумно употреблялъ дихотомію. Конечно, мы не будемъ утверждать того, что Аристотель въ своей критикѣ совсѣмъ не имѣлъ въ виду Платона. Насколько Аристотель вообще возстаетъ противъ преувеличеннаго значенія „дѣленія по родамъ и видамъ“ въ философско-научныхъ изслѣдованіяхъ, онъ имѣетъ въ виду Платона. Тамъ, гдѣ онъ въ своей критикѣ дихотоміи высказываетъ, что въ классификаціи животныхъ нельзя брать искусственно и произвольно одинъ признакъ и полагать его въ основаніи классификаціи, онъ имѣетъ въ виду кромѣ другихъ также и Платона. „Не существуетъ, говоритъ онъ, ни одной части животнаго безъ матеріи (ὅλη), но и не одна только матерія существуетъ, потому что нѣтъ ни одного животнаго, ни части его, которыя исключительно состояли бы изъ одного тѣла“ (σῶμα); съ тою и другою стороною животной природы, конечно, соединенъ рядъ признаковъ, которые слѣдуетъ принимать во вниманіе при классификаціи. Особенно при дѣленіи слѣдуетъ принимать во вниманіе *сущность* съ ея признаками; тѣлесные же признаки чаще бываютъ случайными.

На современномъ языкѣ слѣдуетъ сказать, что Аристотель требуетъ *естественной классификаціи*, между тѣмъ какъ Платонъ создалъ теорію *искусственной классификаціи* и преслѣдовалъ ее въ философско-научныхъ изслѣдованіяхъ. Позволимъ здѣсь напомнить читателю, что классификація Линнея, которая въ свое время произвела на ученыхъ сильное впечатлѣніе, была основана на дихотоміи. Но скоро явились противники Линнея, которые назвали его классификацію искусственною и требовали естественной классификаціи, которая основывалась бы не на одномъ произвольно взятомъ признакѣ, а принимала бы во вниманіе по возможности всѣ существенные признаки ро-

да и видовъ. Хотя это требованіе естественной классификаціи очень ясное, повидимому, въ теоріи на первый разъ на практикѣ оказалось не вполне яснымъ и трудно выполнимымъ, тѣмъ не менѣе наука остановилась на этомъ требованіи. Значеніе искусственной классификаціи признается и доселѣ въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстныхъ предѣлахъ, гдѣ это необходимо для облегченія памяти, для описаній и характеристикъ, для систематики, но біологія, какъ наука, объясняющая явленія изъ причинъ, требуетъ естественной классификаціи.

Это, повидимому, исторически доказываетъ, что искусственная классификація предшествуетъ требованію естественной классификаціи. Такимъ образомъ, критика дихотоміи, представленная Аристотелемъ, и его требованіе естественной классификаціи не есть поворотъ къ популярнымъ воззрѣніямъ на природу, а напротивъ составляетъ прогрессъ въ философско-научныхъ изслѣдованіяхъ. Изучая природу, Аристотель пришелъ къ тому убѣжденію, что *прогрессъ въ природѣ состоитъ въ переходѣ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, отъ общаго къ частному, отъ простаго къ сложному*. Поэтому, Аристотель предпочиталъ въ своихъ философско-научныхъ изслѣдованіяхъ иной методъ дѣленія, который считалъ болѣе цѣлесообразнымъ и болѣе соответствующимъ характеру изслѣдуемыхъ явленій природы; это—*дѣленіе сложнаго на его составныя части*. Отсюда-то и явилось его второе изъ указанныхъ нами натуралистическихъ сочиненій Аристотеля: „О частяхъ животных“, гдѣ первоначально говорится объ *элементахъ*, входящихъ въ составъ каждаго органическаго тѣла, потомъ—объ *однородныхъ частяхъ* и, наконецъ,—о *частяхъ разнородныхъ* организма. Какъ выше сказано, критики отличили и отмѣтили большую методическую выдержанность въ этомъ сочиненіи Аристотеля, чѣмъ въ сочиненіи „Исторія животных“, гдѣ Аристотель по преимуществу пользуется дѣленіями животныхъ на роды и виды. Одни изъ критиковъ (напр. *Pouchet La biologie Aristoteliqua* 1885 г.), предполагаютъ, что сочиненіе Аристотеля: „Исторія животных“ въ сравненіи съ его сочиненіемъ: „О частяхъ животных“ имѣетъ большую испорченность; оно подвергалось различнымъ добавленіямъ и измѣненіямъ, чему способствовалъ предметъ со-

чиненія и его содержаніе; отсюда и явились недостатки этого сочиненія и невыдержанность плана и метода. Другіе (напримѣръ, *Perrier, La philosophie zoologique avant Darwin, 1884 г.*) указываютъ на трудность для Аристотеля создать удовлетворительную классификацію животныхъ, такъ какъ онъ располагалъ только двумя терминами: *родъ* (γένος) и *видъ* (εἶδος) и въ предѣлахъ только этихъ терминовъ долженъ былъ классифицировать все разнообразіе извѣстныхъ ему животныхъ; поэтому онъ принужденъ былъ прибѣгать къ такимъ оборотамъ: „μεγάλα γένη“, „μέγιστα γένη“. Не отвергая предположенія относительно испорченности „Исторіи животныхъ“ и не отрицая трудности для Аристотеля создать удовлетворительную классификацію животныхъ „по родамъ и видамъ“, мы съ своей стороны объясняемъ большую выдержанность плана и метода сочиненія: „О частяхъ животныхъ“ главнымъ образомъ тѣмъ, что Аристотель отдавалъ предпочтеніе въ своихъ философско-научныхъ изслѣдованіяхъ *дѣленію сложнаго на его составныя части*, какъ болѣе философскому и цѣлесообразному съ его точки зрѣнія, предъ *дѣленіемъ на роды и виды*; поэтому, и обрабатывалъ философско-научный матеріалъ по этому методу съ болѣею тщательностію. Это доказываетъ не одно сочиненіе „О частяхъ животныхъ“, но и другія, напр., сочиненіе: „О душѣ“, „Политика“ и т. д. Это предпочтеніе *дѣленію сложнаго на его составныя части* тѣсно соединено у него съ его философскимъ міровоззрѣніемъ. По этому міровоззрѣнію, цѣль существъ есть ихъ *благо*; но благо, котораго они достигаютъ не одинаково по степени; наибольшимъ благомъ пользуются наиболѣе совершенныя существа; для однихъ благо состоитъ только въ томъ, что они участвуютъ *въ жизни* (ζῆν), для другихъ благо состоитъ *въ хорошей жизни* (εὖ ζῆν); это послѣднее благо достигается существами съ болѣе совершенной организаціею, а болѣе совершенная организація есть *наиболѣе сложная организація*, обладающая наибольшимъ количествомъ органовъ для наиболѣе разнообразныхъ функцій, въ которыхъ выражается жизнь существъ. „Природа растений, говоритъ Аристотель въ сочиненіи: „О частяхъ животныхъ“, неподвижна (они прикрѣплены къ мѣсту), и не состоитъ изъ многихъ раз-

нородных частей, ибо для не многих функций и органов требуется не много. Тѣ же существа, которыя вмѣстѣ съ жизнію одарены еще ощущеніемъ (т. е. животныя), имѣютъ многочленную форму и одни изъ нихъ имѣютъ больше членовъ, чѣмъ другія, и сложную, насколько природа позаботилась о нихъ, чтобы они не только имѣли *жизнь*, но и *хорошую жизнь* (μὴ μόνον τοῦ ζῆν ἀλλὰ καὶ τοῦ εὖ ζῆν ἢ φύσις μεταίληθεν). Таковъ родъ человѣческій, ибо онъ или только одинъ изъ извѣстныхъ намъ животныхъ причастенъ божественной природѣ или имѣетъ преимущество въ этомъ передъ всѣми“ (De part. anim. Lib. II, cap. X). По взгляду Аристотеля, два указанные метода: методъ дѣленія по родамъ и видамъ и методъ дѣленія сложнаго на составныя его части не исключаютъ, напротивъ дополняютъ другъ друга. При помощи перваго метода Аристотель изучаетъ дѣйствительно существующіе роды и виды животныхъ, ихъ признаки и свойства, ихъ образъ жизни и нравы съ указаніемъ среды, мѣстности, климата, пищи и т. д.; словомъ, онъ изучаетъ методически все, что даетъ ему дѣйствительность. При помощи втораго метода онъ стремится достигнуть большаго знанія, чѣмъ даетъ ему фактическая дѣйствительность: на почвѣ этого метода онъ стремится узнать и установить истинную послѣдовательность въ развитіи природы, чего онъ не надѣется сдѣлать при изученіи фактической дѣйствительности съ помощію метода дѣленія на роды и виды,—подготовить изученіе причинъ явленій жизни и приблизиться къ знанію того, *какъ что либо должно существовать въ природѣ*, съ точки зрѣнія цѣлесообразности въ природѣ.

Познакомимся еще съ *дѣленіемъ души на части*, которое находится въ сочиненіи Аристотеля: „О душѣ“ и повторяется въ другихъ сочиненіяхъ какъ естественно-научныхъ, такъ и нравственно-политическихъ. Аристотель отличаетъ слѣдующія части души: а) *душу питающую*, съ которой соединяетъ душу *рождающую*; б) *душу ощущающую*, съ которой соединяется также душа, *движущая къ мѣсту* и в) душу разумную. Душу питающую и рождающую имѣютъ растенія; душа ощущающая и движущая къ мѣсту принадлежитъ животнымъ; разумную душу имѣетъ только человѣкъ. Безъ питанія, говоритъ Аристо-

тель, нѣтъ ощущенія; но питаніе въ растеніяхъ существуетъ отдѣльно отъ ощущенія. Между существами, имѣющими ощущеніе, одни имѣютъ движеніе, другіе же не имѣютъ его. Гдѣ есть ощущеніе, тамъ есть и влеченіе или желаніе; гдѣ есть желаніе, тамъ есть и представленіе и чувство удовольствія и страданія. Наконецъ, весьма немногіе изъ смертныхъ имѣютъ разумъ. Тѣ, которые имѣютъ разумъ, имѣютъ и всѣ другія перечисленныя части души.

Такимъ образомъ и здѣсь—въ области душевной жизни природа выполняетъ тотъ же законъ, на который указано нами выше, т. е. постепенно поднимается отъ менѣ совершеннаго къ болѣе совершенному, отъ простаго или менѣ сложнаго къ болѣе сложному.

Въ связи съ *дѣленіемъ*, какъ методическимъ приѣмомъ изученія природы, находится *опредѣленіе*. Здѣсь уместно сказать и о немъ. Гдѣ принимается дѣленіе рода на виды, тамъ, если нужно опредѣлить видъ, этотъ видъ обыкновенно отчисляютъ къ ближайшему роду и потомъ указываютъ видовое отличіе. Этого рода опредѣленіе одинаково употребляютъ какъ Платонъ, такъ и Аристотель. Если же требовалось опредѣлить родъ, то Платонъ искалъ въ видахъ этого рода такое свойство, которое присуще всѣмъ безъ исключенія видамъ отъ низшаго до самаго высшаго; таково напр. „страстное состояніе“ во всѣхъ видахъ *любви*. И Аристотель принимаетъ этого рода опредѣленіе. Сюда между прочимъ относится извѣстное его опредѣленіе души, находящееся во второй книгѣ его сочиненія: „О душѣ“, которое такъ много занимало и доселѣ еще занимаетъ критиковъ. „Душа есть энтелехія органическаго тѣла, имѣющаго жизнь въ возможности“ (De anim. Lib. II, cap. 1). Но и здѣсь, какъ и въ дѣленіи рода на виды, Аристотель сознаетъ нѣкоторую неудовлетворенность, такъ что и *опредѣленіе* Платона онъ не признаетъ безусловно удовлетворительнымъ въ философско-научныхъ изслѣдованіяхъ. По крайней мѣрѣ, онъ, не смотря на то, что, давая выше приведенное опредѣленіе души, не оставилъ безъ объясненія ни одного термина, введеннаго въ опредѣленіе, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи содержанія приходитъ къ тому заключенію, что „опре-

дѣленіе души не можетъ быть одно: одна душа въ растеніи, другая—въ животныхъ и третья—въ человѣкѣ. Очевидно, Аристотель сознавалъ, что при данномъ выше опредѣленіи души легко принять за душу лишь часть души и отождествить ее съ *жизнію* вообще. Это дѣйствительно и случилось: нѣкоторые изъ писателей (напр. Гротъ, Льюисъ и друг.) стали доказывать, что Аристотель въ сочиненіи: „О душѣ“ подъ душею разумѣетъ *жизнь*, и сочиненіе: „О душѣ“ есть трактатъ *біологическій*, а не психологическій, какъ принято понимать психологию, какъ науку о душѣ. По Аристотелю же, отождествлять душу съ *жизнію* значитъ то же, что разнородныя части организма отождествлять съ элементами, или статую отождествлять съ первою матеріею (πρώτη ὕλη); для того, чтобы существовали разнородныя части организма, необходимо, чтобы напередъ существовали однородныя части, безъ которыхъ мы не видимъ въ природѣ разнородныхъ частей;—чтобы явилась статуя, необходимо, чтобы напередъ существовалъ мраморъ или дерево, т. е. вторичная матерія (δεύτερα ὕλη), какъ выражается въ метафизикѣ Аристотель. Душу растительную, душу животныхъ и разумную душу въ человѣкѣ Аристотель чаще называетъ *частями* души, хотя и говоритъ о нихъ, какъ отдѣльныхъ душахъ. Словомъ, Аристотель требуетъ болѣе точнаго и вѣдствіе этого болѣе *сложнаго* опредѣленія души, чѣмъ какое можетъ быть дано по методу Платона, руководимому дѣленіемъ рода на виды. Мы не скажемъ о Кювѣ, что онъ не умѣетъ составлять опредѣленіе,—на томъ основаніи, что онъ, опредѣляя человѣка, назвалъ его „животнымъ двурукимъ“: онъ далъ такое опредѣленіе, какъ зоологъ; но мы не удовлетворимся этимъ опредѣленіемъ человѣка. Мы не удовлетворимся и тѣмъ опредѣленіемъ человѣка, по которому человѣкъ есть „существо разумное“. Человѣкъ имѣетъ тѣло; вслѣдствіе этого онъ занимаетъ извѣстное пространство и имѣетъ извѣстную фигуру; движенія его членовъ могутъ быть подведены подъ извѣстные законы движенія вообще; онъ есть существо органическое; слѣдовательно имѣетъ общее съ растеніями; онъ есть животное позвоночное, дышащее легкими, млекопитающее, двурукое, обладающее даромъ слова для выраженія своихъ чувствъ и

мыслей, разумное, нравственное, религиозное, обладающее творчествомъ, политическое и т. д. Такимъ же образомъ и Аристотель полагалъ, что полное опредѣленіе души могутъ дать только обстоятельные анализы въ области естественныхъ нравственно-политическихъ и философско-теологическихъ наукъ; слѣдовательно, ставилъ для себя идеаломъ сложное опредѣленіе, обнимающее всѣ части опредѣляемаго, съ указаніемъ точнаго порядка частей въ ихъ послѣдовательномъ возникновеніи, согласно закону развитія.

Θ. Зеленогорскій.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Сентября 1891 года.

Типографія Губернскаго Правленія.

Отдѣльные оттиски изъ журнала «Вѣра и Разумъ».

